

УДК 821.161.3 + 821.162.1

Ольга Николаевна Ковальчук

*канд. филол. наук, доц. каф. русской литературы и журналистики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Olga Kovalchuk

*Doctor of Philological Sciences, Docent of the Chair of Russian Literature and Journalism
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: opushko@tut.by

**ТРАНЗИТИВНОСТЬ ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ПАРАДИГМЫ:
БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ КАИНОВСКОГО УБИЙСТВА
В ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК»
И РОМАНЕ Т. НОВАКА «А КАК БУДЕШЬ КОРОЛЕМ, А КАК БУДЕШЬ ПАЛАЧОМ»**

Целью исследования является научная интерпретация повести «Журавлиный крик» В. Быкова в компаративном и аксиологическом аспектах с романом «А как будешь королем, а как будешь палачом» Т. Новака. Автор анализирует бродячий сюжет истории Каина и Авеля и видит его различные реализации посредством мотивов побратимства и предательства (которое часто подразумевает смерть во время войны) в упомянутых примерах прозы. Белорусский и польский писатели представляют ужасающую реальность выживания во время Второй мировой войны и осмысливают вечные проблемы и ценности человечества, все еще описываемые со времен Ветхого Завета до наших дней.

**The Transitivity of the Old Testament Paradigma:
the Vagrant Plot of Cain's Murder in the «Crane's Cry» by V. Bykov
and T. Nowak's Novel «If You will be the King, if You will be the Executioner»**

The purpose of research is to scientifically interpret the «Crane's cry» by V. Bykov in comparative plotting and axiological aspects with T. Nowak's novel «If You will be the King, if You will be the Executioner». The author analyses vagrant plot of Cain and Abel story and recognizes it different realizations through the motifs of brotherhood and treachery (that often means death during war) in mentioned prose examples. Belarusian and Polish writers presents terrible reality of surviving during the World War II and dealing with eternal problems and values of humanity, still describing since time of Old Testament to our days.

Введение

Василь Быков является одним из самых известных белорусских прозаиков, представивших ужасающие события Второй мировой войны в своих произведениях. Глубокий психологизм, часто проявляющийся сквозь призму простых бытовых деталей, создает реалистическую картину военной действительности, в которой живут люди, чаще всего обреченные на смерть. Таковы и герои повести «Журавлиный крик». Мировосприятие Петра, главного героя романа Тадеуша Новака «А как будешь королем, а как будешь палачом», отличается от мировосприятия быковских героев. Казалось бы, концепция произведения схожа с устремлениями романтиков к фольклорному началу и мифологизму (в данном случае «деревенскому»), а значит, отходит от реализма. Однако глубина идеалистиче-

ской картины мира дополняется утилитарностью представлений об устройстве сельской жизни и, что важнее, сменяется усиливающейся материалистичностью при переходе автора к описанию военных действий. Подобный быковскому психологизм, внимание к художественной детали, использование отдельных схожих мотивов сближают анализируемые произведения, что видно и на примере реализации бродячего сюжета каиновского убийства. Ставший традиционным для мировой литературы, этот сюжет проявляется в повести и романе по-разному, отражая оригинальность авторского переосмысления истории Каина и Авеля В. Быковым и Т. Новаком, но сохраняет архетипические черты, придавая произведениям универсальное звучание.

Целью исследования является анализ отдельных мотивов, имеющих отношение к

ветхозаветной истории и дающих основание говорить о ее транзитивности.

А. Н. Веселовский в «Исторической поэтике» так объясняет содержание понятия «мотив»: «Под *мотивом* я разумею простейшую повествовательную *единицу*, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [1, с. 500]. В главе, посвященной бытовым основам сюжетности, а также мотивам и сюжетам, которые отражают доисторический быт, исследователь упоминает следующую группу мотивов: «Искусственный род. Принятие в него. Символика крови. Братание и побратимство в обряде и эпосе. *Compagnonnage* (фр. товарищество. – О. К.) и кумовство» [1, с. 573]. Для достижения кровного родства нужны были так называемые «отношения крови», которые символизировали принятие в род: «иногда кровь собирают в чашу и добавляют к ней воды или вина; иногда промывают кровью куски пищи, которая предлагается обеим сторонам. Иногда, наконец, считается достаточным потереть одну кровоточащую рану о другую, так чтобы кровь той и другой смешалась и частицы этой смеси остались на каждой» [1, с. 574]. Однако кровь может замениться и краской (смежность по цвету), и слюной (смежность по происхождению). Кроме того, очень сильно «выражается идея кровного общения, когда кровь примешивается к пище сидящих за одним столом» [1, с. 575]. Учитывая этот факт и факт переосмысления слюны как крови, можно прийти к выводу, что совместная трапеза из одной посуды воспринимается как вариация мотива искусственного родства, разновидностью которого является побратимство. В качестве примера названного побратимства А. Н. Веселовский приводит обычай *Johannisminne*, когда на 24 июня «собирались соседи и знакомые и столовали вместе; *мирились* те, кто в течение года враждовал друг с другом; один приносил хлеба, другой вина и т. д.» [1, с. 583]. Очевидно, что и до сегодняшнего дня сохранилась эта символика единства: за общим столом семья, естественно, делится пищей с теми, кто входит в нее. Усиливается подобное значение в ситуации, когда людям приходится есть из одной посуды.

К перечисленным характеристикам мотива побратимства интересно и целесо-

образно обратиться, рассматривая указанные выше произведения.

В повести «Журавлиный крик» шесть солдат оказались в нелегких фронтовых обстоятельствах, и единственным их приютом на ночь был сторожевой домик, мало похожий на человеческое жильё: «Утульнасці тут было небагата: дзьмула з вокнаў, дым не хацеў ісці ў комін і, расплываючыся пад нізкай столлю, выедаў людзям вочы, але ўсё гэта здалося ім раем пасля той непагадзі, ад якой яны схаваліся сюды» (*Уюта здесь было немного: дуло из окон, дым не хотел идти в дымоход и, расплываясь под низким потолком, выедал людям глаза, но все это показалось им раем после той непогоды, от которой они спрятались сюда*) [2, с. 43–44]. Один из солдат, Витька Свист, предлагает приготовить ужин и на вопрос, что можно сварить, отвечает: «Ну, браце, – што ў каго ёсць» (*Ну, брат, – что у кого есть*) [104, с. 44]. Символичное обращение «брат» подчеркивает коннотацию сближения, а сам ответ приглашает людей, которые находятся в сторожевом домике, поделиться с другими едой и принять участие в общем ужине. Витька отдает полпачки пшенки, Василий Глечик – немного горохового концентрата. Ивана Пшеничного отправляют за водой, а в это время из его мешка Свист достает сало. Видимо, Иван не готов к предложенному символическому «побратимству», его не беспокоит судьба товарищей, и поэтому он не делится с ними тем, что у него было. Свою позицию проявляет также и старшина Карпенко: «Слухай, Свіст, нядобра робіш. <...> Трэба спытацца» (*Слушай, Свист, нехорошо делаешь. <...> Нужно спросить*) [104, с. 45]. У самого старшины не было того, чем можно было поделиться, но показательным то, что, несмотря на поступок Ивана, он поступает с ним «по-братски», не хочет обижать солдата. Витька отвечает, что Пшеничный и так бы ничего не дал, и демонстрирует свою правоту тем, что получает отрицательный ответ на свой вопрос вернувшемуся Ивану: «Братачка Пшанічны, ці няма ў цябе якога куска да агульнай кучы?» (*Братишка Пшеничный, нет ли у тебя какого куска в общую кучу?*) [2, с. 45]. Вскоре Овсева отправляют на сторожевой пост, еще один солдат, Фишер, остается в «секрете» (тайное место для слежки за передвижением противника).

Поэтому есть кашу начали вчетвером: «Елі ўсе разам, з адной пасудзіны, згодна шкрэбаючы драўлянымі і алюмініевымі лыжкамі» (*Ели все вместе, из общей посуды, слаженно поскребывая деревянными и алюминиевыми ложками*) [2, с. 47]. Старшина и теперь помнил о других и, заметив, что на дне «осталось немного», остановил ужин, приказав оставить еды Овсееву и Фишеру. Только после этого Свист признается Пшеничному в хитрости: «Ну, братка Мурло, як кашка? <...> Добрае ў цябе было сальца» (*Ну, браток Мурло, как кашка? <...> Хорошее у тебя было сальце*) [2, с. 47]. Хотя обманутый солдат и злится, Витька объясняет, что это было сделано и для его блага.

Солдаты едят из одной посуды – так В. Быков реализует мотив фронтового побратимства. Символично то, что Свист, готовя еду для всех, использует обращение «брат» и ему подобные. Заботу о других солдатах можно заметить в поступках Глечика и Карпенко. Нельзя этого сказать об Овсееве, который просто злится на то, что оказался в тяжелой ситуации, и о Пшеничном, который беспокоится только о себе. В этом смысле мотив побратимства приобретает драматический оттенок: представленная вначале позиция Овсеева и Пшеничного, которые в результате военных обстоятельств принуждены ко временному побратимству, меняется, когда они получают возможность оставить товарищей, спасая себя. Отступничество не остается без наказания: оба предателя погибают.

В романе «А как будешь королем, а как будешь палачом» мотив побратимства, связанный с образом еды, встречается несколько раз. Остановимся на одном из эпизодов, когда три парня – Петр, Стах и Моисей – отправляются на войну. Они знают друг друга, но теперь главный герой Петр достает из своего ящика яблоки и делится ими. Стоит отметить то, что он не дает каждому по яблоку, а использует саблю (оружие, которым когда-то убивали людей), чтобы разрезать их и раздавать каждому части одного и того же яблока. Таким образом, пересекаются символические коннотации крови (в образе сабли), общей посуды (сабля прикоснулась к каждому кусочку) и совместной трапезы. Кроме того, перед тем, как резать яблоки, Петр начинает игру: высунувшись из вагона, он срезает веточки

ольховника саблей. Позже к этой игре присоединяются и Моисей со Стахом, по очереди проверяя себя на ловкость. Эта ситуация имеет отношение к мотиву побратимства: не было животных в качестве жертвы, но были люди, которые когда-то погибли от этой сабли, и есть растения, которые оставили на сабле свой сок, и поэтому «Jabłka miały smak olszynowej miazgi i żelaza» (*У яблок был вкус ольхового жмыха и железа*) [3, с. 142]. Коннотация крови и совместного ее употребления в пищу усиливается словами: «Nawet szabla, nie obtarta z olszynowego soku, czerniała na moich kolanach jak od posoki» (*Даже сабля, не вытертая от ольхового сока, чернела на моих коленях, как от сукровицы*) [3, с. 142]. Никто из товарищей не предает символический союз, который укрепляется словами Петра на следующий день. Когда Стах с Моисеем поссорились, главный герой, хватая их «за чубы», сталкивает лбами, потом сводит их ладони, присоединяя свои, и говорит: «Trzymajmy się razem. Wojna. Trzymajmy się wszyscy» (*Давайте держаться вместе. Война. Давайте будем держаться все*) [3, с. 147]. Этим поступком (примирение) и озвучиванием цели побратимства Петр утверждает важность и нерушимость их решения не бросать друг друга. А когда друзья Петра погибают, он помнит о мести за них, ища тех, кто виноват в смерти «побратимов».

История о Каине и Авеле, двух братьях, которые были сыновьями Адама и Евы, первых созданных Богом людей, является одной из самых известных ветхозаветных историй. Каждый из них принес свою жертву Богу, но только жертва Авеля, младшего брата, была принята. Каин, старший брат, не мог простить этого младшему. Зависть овладела им, поэтому Каин убил Авеля. Так впервые на земле была пролита человеческая кровь.

На протяжении истории человечества убийства не только не прекращались, но и становились более жестокими и беспощадными. Особенно ужасающими в этом плане для людей являются войны, во время которых гибнут сотни, тысячи и даже миллионы. Связь мотивов братства и убийства может быть соотнесена с историей Каина и Авеля.

Обратимся к определяющим чертам библейского сюжета. Конфликт происходит

между двумя братьями, один из которых (старший) проходит испытание искушением. Зависть, эгоизм толкают его на преступление. Не выдерживая напряжения, старший брат прерывает жизнь младшего, но и сам не остается без наказания: вечного изгнания. Везде Каин был чужаком, но Бог лишил его возможности принять смерть от рук кого-нибудь другого. Эту сюжетную схему можно представить так: «братство – испытание – убийство младшего брата старшим – наказание старшего».

Своеобразно разворачиваются события повести «Журавлиный крик» В. Быкова, связанные с сюжетной линией Ивана Пшеничного. Когда шестеро солдат получают приказ сутки защищать железнодорожный переезд, некоторые из них начинают паниковать, прекрасно понимая, что это практически невозможно. Однако командир, старшина Карпенко, прекращает подобные разговоры: «А гэтыя шасцёра што, дзеўкі? <...> Нас вунь у фінскую на востраве трое засталася, два дні адбіваліся, ад кулямётаў снег да моху растаў, і нічога – жывы. А то – шасцёра!» (*А эти шестеро что, девки? <...> Нас вон в финскую на острове трое осталось, два дня отбивались, от пулеметов снег до мха растаял, и ничего – живой. А то – шестеро!*) [2, с. 31]. Понятно, что в таких обстоятельствах каждый солдат очень ценен и важен, потому что от каждого в очень большой степени зависит вероятность успешного выполнения приказа. Война объединяет людей, которые воюют рядом, фронтовое братство не слабее кровного. Но Иван решает незаметно оставить товарищей один на один с врагом и спасать свою жизнь – сдаться в плен: «Даўно ўжо Пшанічны прыглядаўся, чакаў зручнага выпадку, вагаўся і баяўся, але цяпер, трапіўшы ў тую мышалоўку, канчаткова рашыўся. Свая рубашка бліжэй да цела, а жыццё для яго даражэй за ўсё, і захаваць яго можна, толькі кінуўшы зброю і здаўшыся немцам» (*Давно уже Пшеничный приглядывался, ждал удобного случая, сомневался и боялся, но теперь, попав в эту мышеловку, окончательно решил. Своя рубашка ближе к телу, а жизнь для него дороже всего, и сохранить ее можно, только бросив оружие и сдавшись немцам*) [2, с. 32]. Испытание оказаться в безопасности – это такое же эгоистическое желание лучшего для себя, как у

Каина. Вынашивая это желание, Пшеничный не задумывается о принесенных войной с фашистами разрухе и смерти тысяч незнакомых людей. В стремлении сохранить свою жизнь Пшеничный не сдерживает себя мыслью о предательстве, о гибели фронтовых товарищей, с которыми он вместе воевал: «Калі пачалася вайна і нямецкія войскі хлынулі на нашыя землі, сярод вялізнага мора бяды і слёз быў адзін чалавек, які таемна радаваўся. Гэтым чалавекам быў баец запаснога батальёна Іван Пшанічны, які затым стаў франтавіком і сёння васьмь займеў канчатковы намер здацца ў палон» (*Когда началась война и немецкие войска хлынули на наши земли, среди огромного моря беды и слез был один человек, который тайно радовался. Этим человеком был боец запасного батальона Иван Пшеничный, который затем стал фронтовиком и сегодня вот окончательно решил сдаться в плен*) [2, с. 38]. Фактически, такое решение героя означало согласие с гибелью остальных солдат, которые рассчитывали на Пшеничного, как на брата, доверяя ему собственную жизнь. Вспомним обращение Витьки Свиста, одного из бойцов, «братачка Пшанічны» (*братишка Пшеничный*) [2, с. 44]. Перед тем, как уйти с переезда, Пшеничный делает вид, что заботится о младшем из солдат, Василии Глечике, которого командир хотел отправить на пост часового: «Я пайду. Хай адпачне Глечык. Ён капаў многа, так што...» (*Я пойду. Пусть отдохнет Глечик. Он копал много, так что...*) [2, с. 57]. Но реальное отношение Ивана к парню иное, что видно из несобственно-прямой речи Пшеничного: «Траншэю ён вырашыў не капаць, хай гэта робіць Глечык, а ён ужо адкапаў сваё» (*Траншею он решил не копать, пусть это делает Глечик, а он уже откопал свое*) [2, с. 32]. Пшеничный – один из самых опытных солдат из шести оставленных на переезде, он рассуждает о боевых способностях других: Овсеев «распешчаны ў дзяцінстве беларучка», Глечик – «не абстраляны, баязлівы, з такім не дужа весела ў баі», Фишер – «стрэльнуць не ўмее, заплюшчвае вочы, калі націскае на спуск – васьмь і ваюй з такімі» (*избалованный в детстве белоручка; необстрелянный, боязливый, с таким не очень весело в бою; стрелнуть не умеет, закрывает глаза, когда нажимает на курок – вот и воюй с такими*)

[2, с. 32–33]. Кроме того, Иван – старше всех: «ён, Пшанічны, раза ў паўтара старэйшы за кожнага (хіба толькі Карпенка такога ж узросту)» (он, Пшеничный, раза в полтора старше каждого (разве что Карпенко такого же возраста)) [2, с. 32]. Очевидно, что Иван мог и должен был исполнить роль старшего брата, который заботится о младших и помогает им выстоять в бою. Но вместо того, чтобы быть защитником, он становится предателем, по-каиновски желая смерти «младшим братьям»: «Пакідаць тут яму не шкада нікога» (*Оставлять тут ему не жаль никого*) [2, с. 32].

Пшеничный реализовал свое эгоистическое намерение и дошел до деревни, где ночевали гитлеровцы. Но его представления о сладкой жизни на стороне врага не оправдались: никто не стал слушать перебежчика. Он погиб от рук тех, с чьей стороны искал милости: «Пшанічны... нема замычаў – ад болю, ад усведамлення канца і апошняй лютай нянавісці да немцаў, якія забілі яго, да тых, на пераездзе, што яшчэ заставаліся жыць, да сябе, ашуканага сабою, і да ўсяго белага свету» (*Пшеничный ... немо замычал – от боли, от осознания конца и последней лютой ненависти к немцам, которые убили его, к тем, на переезде, что еще оставались жить, к себе, обманутому собой, и ко всему белому свету*) [2, с. 79]. Наказанием для каиновского поступка Ивана Пшеничного стала смерть, а не библейские изгнание и одиночество. И все же после решения уйти герой отчасти испытывал их. В. Быков об этом пишет: «З самой гэтай хвіліны, як ён ступіў у мокрую цемру ночы, ён апынуўся адзін, не звязаны ўжо ні з кім ва ўсім белым свеце» (*С этой самой минуты, как он ступил в мокрую темноту ночи, он оказался один, не связанный уже ни с кем во всем белом свете*) [2, с. 74].

Как видим, в быковском произведении ветхозаветный сюжет модифицируется, создается новая сюжетная схема: «братство – искушение – символическое убийство младших братьев старшим – наказание старшего брата – обвинение старшим братом других – реальная смерть младших братьев». В этом случае убийство осуществляется косвенно: лишив «братьев» собственного опыта и поддержки, герой фактически согласился с мыслью об их смерти, не сомневаясь в ней. Реальная смерть защитников

переезда происходит позже. Но наказание предателя случается еще до того, как гибнут «братья».

Главный герой романа Т. Новака Петр провел детство и годы юности вместе со своим лучшим другом Ясеком, который воспринимался им как брат. Однако Ясек погибает, оставаясь только в памяти Петра. Это был парень «из-за воды» – из деревни, которая находилась на другом берегу реки. Так случается, что через некоторое время, когда Петр приобретает статус закоренелого холостяка, он встречает еще одного парня «из-за воды», Стаха. Ситуация борьбы за симпатию одной девушки, Гели, вынуждает Петра и Стаха видеть друг в друге соперников. После танцев они гуляют с двумя девушками и устраивают своего рода соревнование. Сначала они борются на руках, а потом, когда никто не смог победить (хоть Петр был старше и сильнее), начинают по очереди стрелять в выбранную осину. Результат снова тот же: каждый попадает в дерево по семь раз – и неизвестно, кто из них лучший, кто победитель. Но необычно то, что на израненном дереве проступает изображение человеческого лица. Девушки даже пугаются и убегают. Это символическое отображение выстрелов, которые в мыслях стрелявших попадали в человека. Облик осинового лица не покидает Петра и Стаха и позже. Когда оба героя оказываются на войне, они начинают дружить. Бывшие соперники в новых обстоятельствах стали своего рода побратимами, о чем говорилось ранее. Теперь они даже делятся друг с другом тайными мыслями. На вопрос Петра об осинном лице Стах отвечает положительно: этот образ является ему каждую ночь, хоть и «wstyd się przyznać» (*стыдно признаться*) [3, с. 149]. Они надеются, что за войну это пройдет, потому что, скорее всего, придется стрелять в другие лица, во врагов. Но случается так, что Стаха смертельно ранят. Тогда он, умирая, признается Петру: «Wiesz, Hela. Podobała mi się. Chciałem ci ją odbić. Zabiłbym cię za nią. <...> Nie do osiki, Piotrze. Do ciebie strzelałem wtedy» (*Знаешь, Геля. Нравилась она мне. Я хотел ее отбить у тебя. Я бы убил тебя за нее. <...> Не в осину, Петр. В тебя я стрелял тогда*) [3, с. 166]. После смерти Стаха Петр осознает, что этот парень был для него как младший брат: «I w tym chłopaku zza wody

zobaczyłem Jaśka. I polubiłem go nagle. <...> I już nie miałbym nic przeciw temu, żeby Stach zachodził do Heli» (*И в этом парне из-за воды я увидел Ясека. И вдруг я его полюбил. <...> И я бы уже не имел ничего против того, чтобы Стах заходил к Геле*) [3, с. 169].

Петр начинает думать, что в смерти Стаха виноват он, потому что он первый хотел ударить парня, специально не победил его во время борьбы на руках и, когда после выстрелов появился второй «глаз» осинового лица, решил, что это лицо Стаха, потому что тот хотел стрелять в это дерево. А теперь Петр был готов рассказать парню про отношения с Гелей, «tak, jak się mówi młodszemu bratu, że mu się zjadło przeznaczone dla niego kurze skrzydełko» (*так, как рассказывается младшему брату, что ты съел предназначенное ему куриное крылышко*) [3, с. 169]. Заключение «побратимства» произошло в этом случае только после символического убийства «брата», а еще более ясно осозналось после реальной смерти Стаха. Геля, по возвращении Петра с войны узнавшая от него о смерти Стаха и значении выстрелов в осину, подводит итог: «No widzisz, Piotrze, widzisz, jakiś ty jest? Już go wtedy zabiłeś? Już wtedy. I szczęście miałeś. Takie szczęście miałeś z tą wojną. Wyprowadziłeś go na nią i tam na tej wojnie, żeby nie było na ciebie, żeby cię pod kościołem nie pokazywano palcami, żebyś nie gnął w kryminalne, zabito go za ciebie» (*Вот видишь, Петр, видишь, какой ты? Ты уже тогда его убил? Уже тогда. И повезло тебе. Так повезло с этой войной. Ты его отправил на нее, и там, на этой войне, чтобы не было на тебя, чтобы на тебя под костелом не показывали пальцами, чтобы тебе не гнить в криминале, убили его за тебя*) [3, с. 208].

Каиновский поступок создали уже сами мысли героя романа, которые реализовались так, как никто не мог предвидеть. Отличие описанной ситуации в произведении Т. Новака от подобной в быковской повести в том, что младший «брат» тоже хотел убить, однако известно, что он был слабее и импульсивнее. Возможно, желания Стаха были в большей степени обусловлены юношескими максималистскими чувствами, а не реальными возможностями и рассуждениями. Но они были. Петр чувствует такое же одиночество и отверженность, как и Ка-

ин: «Gdy szedłem przez wieś, schodzili mi z drogi, gdy ich spotykałem stojących na ganku, udawali, że rozmawiają z którymś z domowników» (*Когда я шел через деревню, люди уходили с моей дороги, когда я встречал их стоящими на пороге, они притворялись, что разговаривают с кем-то из домашних*) [3, с. 369]. Геля принимает его, но совесть не дает Петру покоя. Вынужденный и дальше убивать, участвуя в партизанской борьбе, он пытается найти оправдание убийствам и обрести покой своей душе. Однако герой начинает видеть основное лицо в самом себе и на вопросы матери отвечает, что будет убивать дальше: «Będę! Póki nie trafię na tego, który zamordował Stacha i Mojżesza. I nie chcę, żebyś brała winę na siebie i na swojego Ukrzyżowanego, i na swoje niebiosy. Od nikogo tego nie chcę» (*Буду! Пока не попаду в того, кто убил Стаха и Моисея. И я не хочу, чтобы ты брала вину на себя и на своего Распятого, и на свои небеса. Я ни от кого этого не хочу*) [3, с. 279]. Жажда мести и желание найти выход из круга убийств противоборствуют внутри героя, доводя Петра до сумасшествия. Он пытается найти оправдание в идее необходимости палача, который подчиняется не собственным желаниям, а исполняет приказы, отвечает потребностям общества. В таком случае палач не должен чувствовать вины за смерть тех, кого казнит. Так возникает мифический «ОН», в образе которого соединяются все погибшие, которые будто бы жаждут мести и покоя, и вместе с тем живые, которые страдают от врагов на своей земле: «Ale ja wiem, że ON jest. ON, Stach i Hela, i ja. Jakby go nie było, toby nie zabijał. A ON zabija» (*Но я знаю, что ОН есть. ОН, Стах и Геля, и я. Если бы его не было, он бы не убивал. А ОН убивает*) [3, с. 315]. Отвечая на вопрос любимой, которая не понимает, о ком Петр говорит, герой объясняет: «On, Piotr, ON Stach, ON Mojżesz. ON, Heli» (*Он, Петр, ОН Стах, Он Моисей. Он, Геля*) [3, с. 317]. Однако у Петра не получается спрятаться от памяти, в которой продолжают жить все убитые. Личную жизнь простого человека, который хочет быть счастливым, и жизнь убийцы, который бескомпромиссно отбирает жизни у других, герою тяжело совместить. Пока он не принял всей вины за убийства на себя, не оправдываясь обстоятельствами и необхо-

димостью для общества, у него не получалось успокоиться. Но осознание собственной ответственности и полное принятие ее тяжести дали Петру возможность искать новый смысл в жизни и чувствовать близость справедливости, которую до этого он не мог найти.

Заключение

Таким образом, сюжетная схема реализованного в произведении польского писателя библейского мотива каинового убийства более сложная в сравнении с проанализированной быковской сюжетной схе-

мой «испытание – символическое убийство младшего брата старшим – братство – реальная смерть младшего брата – укрепление братства – наказание старшего брата – принятие ответственности старшим братом». Необычным является также похожее на каиновское желание «младшего брата»: Стах тоже желал убить Петра. Т. Новак оставляет читателям возможность рассуждать о том, что в каждом авеле может родиться зернышко каиновских мыслей и желаний, а это может привести к настоящей трагедии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 648 с.
2. Быкаў, В. Збор твораў : у 4 т. / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1980–1982. – Т. 1 : Аповесці. – 1980. – 432 с.
3. Nowak, T. A jak królem, a jak katem będziesz / T. Nowak. – Warszawa : Czytelnik, 1972. – 387 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.05.2020